

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-3-07-17

С.В. Кудряшов**ИРРАЦИОНАЛИЗМ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП
ОБЪЕКТИВАЦИИ В ПОСТРОМАНТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТЕЧЕНИЯХ**

В статье рассмотрены вопросы возникновения особого принципа объективации, связанного с рационализацией иррационального в научном или претендующем на достоверность концептуальном контексте. Отмечены структурные изменения, произошедшие в системообразующих элементах культуры вследствие утверждения рационалистических тенденций в ранее иррациональных областях во многих структурных подразделениях культуры. Обозначена актуальность феномена для его обширной аналитики, а также изучения последствий этого процесса в современных культурных ситуациях.

Ключевые слова: рациональное, иррациональное, неокантианство, архитектура культуры, гомеостазис, мистицизм, наука, искусство, религиозность.

Актуальность темы исследования. Тенденция к рационализации иррационального в культуре европейского типа начинается с XIX века, и проявляется в виде феноменов разного рода как в романтизме, так и в постромантических культурных течениях. Однако если в романтизме, особенно во времена его становления, склонность к иррациональному имеет импульсивный характер, сводясь к общим тезисам о возможности познания с помощью чувств, побуждений и интуиции, то в постромантических культурных течениях мы видим устойчивую тенденцию к рационализации иррационального, а также к формированию на основе результата этой деятельности концептуального неэмпирического контента как в науке, так и в других областях познавательной деятельности. Со временем иррациональное и вовсе становится одним из функциональных принципов объективации, создавая новые предметные миры в различных сферах сознательной активности. Складываются целые области знания, системная организация которых восходит к тому, что изначально не атрибутируется разумом. В этой ситуации становится актуальным исследовать и систематизировать как первопричины, так и этапы становления этого феномена для получения нового знания, имеющего отношение к пониманию принципов рационализации иррационального в культуре.

Степень научной разработанности проблемы. Соотношение рационального и иррационального в современной науке до сих пор актуально, что задает тон многим исследованиям. Эти исследования, прошедшие становление в течение XIX века, в полной мере концептуализируются в неокантианской среде, однако ранее мы видим тенденции иррационализма, воплотившиеся в наследии А. Шопенгауэра, Ф.В.Й. Шеллинга, С. Кьеркегора, Ф.Г. Якоби, В. Дильтея, Ф. Ницше, далее у О. Шпенглера и А. Бергсона. В неокантианской среде на основе иррационалистических тенденций XIX века были сформированы определенные доктрины, в состав которых вошли переработанные и научно обоснованные положения о рационализации интуитивных и чувственных компонентов познания.

Цель, задачи и предмет исследования. Цель статьи – изучение, анализ и обобщение проблематики иррационального в рациональном концептуальном контексте

культуры европейского типа начиная с XIX века. Данная цель раскрыта через следующие задачи: дать типологию иррационального в культуре; обозначить структурные изменения, произошедшие в системообразующих элементах культуры европейского типа вследствие рационализации иррациональных процессов; выявить связь структурных изменений в культуре с типами конкретных социокультурных ситуаций; исходя из полученных результатов, определить дальнейший возможный путь исследования. Предметом исследования в данной статье выступает процесс рационализации иррационального в постромантических культурных течениях.

Научная новизна исследования заключается в создании теоретически обоснованного аналитического подхода к изменениям в культуре XIX–XX вв., в котором иррационализм рассматривается в качестве функционального принципа объективации. В этом случае исследуется не только влияние романтической иррациональности на культуру европейского типа, но и связанный с этим процесс введения иррациональных принципов в рациональное поле.

Методология и методы исследования. В данной статье автор исходил из фундаментальных методологических принципов современной науки. Это позволило, в соответствии с поставленными задачами, использовать в работе следующие методы исследования: теоретический анализ философской, культурологической, исторической, социологической, психологической литературы. Кроме того, были использованы методы теоретического и экспериментального поиска, методы анализа реальных культурных процессов, метод теоретического обобщения данных, а также структурно-функциональный метод, позволяющий выявить внутренние связи и обусловленности в культуре.

Источниковая / эмпирическая база исследования. Для построения теоретической модели исследования, а также формулирования выводов, в качестве источниковой и эмпирической базы исследования был произведен контент-анализ работ, посвященных как романтическому течению в целом, так и различным связанным с ним культурным течениям XIX–XX вв. Также в эмпирическую базу исследования можно включить ряд феноменов культуры, проявленных в XIX–XX вв., обладающих своими собственными явными признаками и до сих пор выступающих предметом для научных исследований.

Основная часть. Иррациональное, как составная часть архитектоники культуры, прослеживается с древнейших времен, поначалу составляя основу коллективных психических состояний, «отличающихся крайней эмоциональной интенсивностью, в которых представление еще не дифференцировано от движений и действий» [1. С. 397]. Затем, по мере становления человека в культуре, иррациональное становится теневой стороной сознательного бытия, вытесняясь постепенно в смежную область сознания, связанную с глубинными архаическими смыслами. В этой связи иррациональное органично вписывается в саморегулятивные процессы культуры и функционально принадлежит к совокупности феноменов, во многом придающих конкретику ее внешним факторам, то есть иррациональное в культуре здесь можно сравнить с понятием бессознательного в психологии. Действительно, иррациональная область объективированного осознаваемого во многом связана с психическими установками культуры как перехода содержания восприятий из подсознательной сферы в сферу сознания. Это установки, которыми, в том числе, определяется динамика социокультурного развития в целом. Здесь мы находим то, что изначально интуитивно, чувственно и инстинктивно, но, тем не менее, также в полной мере формирует и конкретизирует сферу сознания как рефлексивного явления бытия. Однако в период развития научного эмпиризма в культуре европейского типа иррациональная область культуры стала подвергаться ревизии и была во многом выведена за скобки познавательного процесса, – то есть познание, связанное с экспериментальной методикой, получило статус истинного.

Легитимация иррационального в концептуальном теоретическом поле, то есть, по сути дела, его рационализация, началась в XIX веке вместе со становлением

романтического течения, хотя еще в преддверии романтизма, в кантовской философии, мы видим научные предпосылки того, что в полной мере проявляется несколько позже. С одной стороны, в 1781 году в «Критике чистого разума» И. Кант пишет о том, что «есть или созерцания, или понятия» [2. С. 229], имея в виду то, что человеческие познавательные возможности могут восходить только к природному феномену, а область ноуменов не может быть познаваемой, так как не подлежит опытной исследованию. По И. Канту, «именно опыт дает нам правила и служит источником истины» [2. С. 228], то есть рациональное мышление возможно здесь только в определенных границах феноменального мира, а все, что в эти границы не входит – лишь некая мыслимая форма, не более того. Но, с другой стороны, эта мыслимая форма у И. Канта выступает как возможность для получения новых знаний, чему могут способствовать внеопытные суждения, то есть не входящие в эмпирическую сферу. Поэтому можно сказать, что именно эти «границы познания, установленные Кантом, послужили в западноевропейской философии толчком к исследованию иррациональных аспектов бытия» [3. С. 145], и не только к исследованию, но и к рационализации объективированных иррациональных понятий.

Таким образом, в XIX веке иррациональные смысловые конструкторы проявляются в виде феноменов разного рода как в романтизме, так и в постромантических культурных течениях. Однако если в романтизме, особенно во времена его становления, тенденции иррационализма имеют импульсивный характер, сводясь к общим тезисам о возможности познания с помощью чувств, побуждений и интуиции, то в постромантических культурных течениях мы видим трансформацию романтического стихийного природного начала в новую концептуальность как уже устойчивого, имеющего основания явления.

Иррационализм самого романтизма несет в себе ярко выраженную инфантильность, отсутствие правил в любой деятельности, а также отражает мистицизм романтического сознания, основанный на представлении об органике бытия. Постромантические же тенденции в этом плане имеют различный характер. В научных системах иррационализм рационализуется до получения статуса основ науки, в философии принимает теоретически обоснованную универсальность, в литературе и искусстве становится экзистенциальным принципом организации смыслового и ситуативного ряда произведения. Процесс рационализации иррационального начинает охватывать широкий диапазон интеллектуальной деятельности – от создания новых систематических наук, в которых эмпирическая составляющая практически отсутствует, до создания спекулятивных теорий, чаще всего религиозно-мистического толка.

В этой связи сам процесс объективации – как метод преобразования ощущения в объект, в данном случае претендующий на критерии реального феномена, становится превращением чувственного в конкретное – наглядное или концептуальное, претендующее на достоверность. То, что выступало неясным выражением интуитивного и чувственного, становится феноменально устоявшимся в понятийном и ценностном ряду, имеющем причинно-следственные связи в культуре и предельно конкретизированным.

Несмотря на условность временных границ течений и направлений в культуре XIX–XX вв., а также их многообразие, мы можем, исходя из конкретики романтического течения в культуре, проследить линию, выступающую следствием его тенденций. Именно эту линию мы можем условно назвать постромантической, отличной от прочих тенденционных линий культуры европейского типа, хотя, говоря о рационализации иррационального, мы затрагиваем, в конце концов, и линии, напрямую не относящиеся к романтическим тенденциям, например, линию позитивизма. Что касается структурных подразделений культуры, то достаточным будет остановиться на философской, научной, религиозно-мистической областях, а также области искусства.

В философскую мысль иррационализм вошел вместе со становлением идеи о неразумном и хаотичном начале органической целостности бытия. Бытие – одна из важнейших категорий философии. С формирования онтологии начинается любая философская система, в которой выстраивается модель окружающего мира. Мир же должен быть целостным и субстанциональным – понятия об этом формировались на протяжении становления философской мысли, ставя вопрос об основании всего того, что существует. В нашем случае того, что объективировано, того, что можно понять и познать. Поэтому некоторая размытость начальных романтических формулировок, переносимая на философскую почву, стала создавать новую основу бытия.

Справедливости ради необходимо сказать о том, что иррациональное в философии было известно еще в Античности, со времен Пиррона, имея, в данном случае, целью обретение покоя вследствие освобождения от всяких субъективных представлений, поскольку они, согласно пирроновскому учению, не могут быть ни истинными, ни ложными. Но ранее речь не шла о том, что субъективные представления могут быть основой для формирования онтологических основ и понятий, – тот же Пиррон имел в виду лишь неустойчивость определенных суждений, мешающих достижению душевной безмятежности.

В Средние века, как известно, снова встал вопрос о концептуальном иррациональном познании, что было отражено в религиозном мистицизме, связанным с познанием Бога. Но здесь тоже не было даже попытки рационализации иррационального, поскольку постижение Бога в рациональной плоскости невозможно. Ни Бернхард Клервосский, ни Майстер Экхарт ни в коем случае не ставили вопрос о рационализации мистического созерцания, поскольку оно не может быть окончательно определено в границах понятийного ряда.

Со времен же появления романтизма в философию начинают внедряться тенденции, связанные с критикой рационализма Просвещения и вполне допускающие пантеистические и мистические компоненты в сферу научно-философской мысли. Ф.К. фон Баадер пытается подчинить законы естествознания религиозной онтологии, предполагающей интеграцию периферического мира и сакрального центра, в котором по отношению к миру «интеллектуальный и волевой элементы объединяются между собой в акт божественного действия» [4. С. 57]. Й. Геррес говорит о том, что «дух, сфера чувствования, организм, неорганическая природа – это четыре фактора, на которые распадается для нас всебытие» [5. С. 171]. Ф. Шлегель пишет о «высшем материализме», который «своим пониманием внешних телесных явлений просто как обманчивой видимости, взглядом на природу как одушевленную и находящуюся в вечном становлении, в непрерывном развитии ... очень хорошо согласуется с идеализмом» [6. С. 109].

Известно образное расхождение по отношению к природе в Просвещении и романтизме, как оппозиция механизма и организма. Ф.В.Й. Шеллинг преодолевает эту оппозицию. Рассматривая идею природы, он предлагает возвыситься до того, чтобы видеть в ней конструктивную целостность, и тогда, согласно его схематике, «противоположность между механизмом и организмом, которая долгое время задерживала развитие естествознания и могла бы для некоторых оказаться препятствием ... исчезает» [7. С. 90]. Таким образом, Ф.В.Й. Шеллинг концептуально обосновывает возможность рационального подхода к иррациональному.

Организм тоже рационален, и, доводя понятие о мире до его органического понимания, романтики начинают претендовать на рационализацию своих иррациональных идей. И если, например, Я. Беме в свое время был альтернативен научной мысли своих современников – Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса, Дж. Локка и др., то Ф.В.Й. Шеллинг уже находится в едином научном поле с О. Контом и Л.А. Фейербахом, отличаясь от них в концептуальном плане лишь выраженной гносеологической позицией.

В общей связи можно вспомнить о философских концепциях А. Шопенгауэра с его «метафизикой воли», С. Кьеркегора, для которого «бытийственность удостоверяла вера, а не мышление» [8. С. 396], а также Ф. Ницше с его иррациональной противоречивостью. Эти устойчивые тенденции привели, в том числе, к появлению экзистенциальной философии. А уже к XX веку складывается традиция различных подходов к эмпирическим исследованиям и к тому, что с подачи В. Дильтея начинает называться «науками о духе». Г. Риккерт синтезирует понятие ценности, иррациональное по своей сути, но определившее целую область гуманитарного знания, актуального до сих пор.

Несколько слов необходимо сказать о русской религиозной философии XIX–XX вв. С одной стороны, это течение мысли, соединившее в себе элементы православного миропонимания с романтическими тенденциями своего времени, выступает как направление, «относящееся к религиозному идеализму и испытавшее влияние Шеллинга» [9. С. 266]. С другой стороны, ключевая фигура этого течения – В.С. Соловьев, во многом задавший тон направлению русской философской мысли конца XIX – начала XX вв. Он представляет собой мыслителя, соизмеряющего свою доктрину со временем, «для которого характерна вера в прогресс, надежда или убежденность в предстоящем усовершенствовании жизни, преодолении ее внутренних несовершенств и противоречий» [10. С. 109]. В связи с этим В.С. Соловьев выступает теоретиком синтетических преобразований, в которых христианская подоплека подвергается многим нехристианским влияниям, имеющим свойственные своему времени характеристики. По сути дела, В.С. Соловьева можно назвать инициатором действия ряда «избранных умов» для решения задачи по введению своей версии христианства во всеобщее сознание. И это действие может быть сопоставимо с распространенной в то время «революционностью», то есть способом разрешения любой проблематики радикальным путем. Для этого разрешения В.С. Соловьевым предлагается использовать «все предшествующее философское развитие» [10. С. 111], а не какую-либо конкретную линию мысли, – в этом плане философская доктрина В.С. Соловьева оказывается не связанной с философской конкретикой, попадая в абстрактную плоскость. Но, тем не менее, так или иначе русская религиозная философия находится в русле постромантических тенденций, поэтому мы можем рассматривать ее как способ адаптации иррациональных, в основном немецких философских доктрин, к оригинальному русскому публицистическому полю.

Со второй половины XIX века философские постромантические тенденции, связанные с рационализацией иррационального, начинают распространяться и на иные области сознательной человеческой деятельности, во многом преобразуя их смыслообразующий аппарат. Эти трансформации в культуре создают предпосылки для изменений в культурном сознании общества, влияющих на понимание и оценку символических систем культуры, а также на создание новых идеологических конструкторов. В частности, появляется понятие ценности как формы сознания, составляющей отдельную область бытия человека, полностью определяющую его мировоззренческую доминанту, хотя и не имеющую однозначных трактовок. В целом создаются предпосылки для чисто личностной оценки как действительности, так и роли человека в ней. Начинается динамика смыслового конструкта, которая инспирирует процессы, в ходе которых онтологическое начинает трансформироваться в эстетическое, алогичное – в абсурдное, религиозное – в мистическое, фольклорное – в национальное и т. д. Все это, в свою очередь, создает ситуацию некой культурной неопределенности, своего рода невыраженности, отраженной в смешении стилей, поисках новых оснований и форм. Здесь мы можем говорить о трансформации органического в синтетическое, а, следовательно, видим предпосылки для, например, сознательного синтеза в культуре, широко проявленного с середины XIX века как в общественной мысли, так и в искусстве. Что

же касается отношения к онтологии, то здесь либо ищутся новые основания (как уже указывалось выше), либо полностью отрицается смысл бытия, то есть рационализируются нигилистические тенденции. Мы можем сказать, что хаос, которому романтики открыли дорогу, вырвался на свободу и стал приобретать концептуальную наполненность, поначалу воплощаясь преимущественно в художественных произведениях, а затем и в философских тезисах, ищущих в человеческой душе некую оборотную сущностную сторону. Когда трансформация романтического мифа становится радикальной, возникают вирулентные тенденции, в том числе и деструктивной направленности, то есть изначально иррациональные, имеющие тенденции создания смыслового конструкта, нарочито противоположного прежним культурным установкам, но имеющего рационалистическую основу. Происходят структурные изменения в смыслообразующих элементах культуры, которые оказывают влияние на культурное сознание в целом.

Что касается научной плоскости в сознательной человеческой деятельности, то здесь рационализация иррационального затронула с основным ранее не востребованные сферы познания, которые, благодаря новым тенденциям, вошли в пределы эпистемологических процедур науки. Таким образом стали возможными в качестве регулярных дисциплин такие науки, как психология, культурология, филология и многие другие.

В сфере искусства тенденции рационализации иррационального, приведшие к изменению знаково-смысловых отношений, создают предпосылки для радикальных преобразований. В живописи, к примеру, ранее утилитарный характер предметности, дополненный созданием параллельного смыслового ряда аллегорического характера, начинает заменяться беспредметностью, зачастую приобретающей абсолютный характер. Процесс рационализации иррационального проявляется здесь как смена вектора направленности художника при создании изображения. Прежние направления в искусстве, вне зависимости от жанровой принадлежности, в любом случае предполагали предметность изображения, представленную в том или ином виде и отражающую нюансы реальных ситуаций, как правило, предусматривающих определенный информационный подтекст. Новаторский же способ художественного выражения, начавший свое становление во второй половине XIX века и имевший с начала XX века обобщающее название авангардного искусства, предполагал уже либо сознательное искажение натуры, либо создание своей собственной предметности, берущей свое начало в реконструкции субъективных абстрактных мыслеобразов автора. В данном случае автор в своей объективации рационализирует ощущения и чувства, не имеющие, в том числе, объективной конкретики. Происходит создание новой предметности, исходя из собственного нового уровня понимания автора, который додумывает реальность и создает фактичность предметов на уровне своих эмоциональных построений и предассоциаций.

В религиозной плоскости можно наблюдать сходные процессы. Мы можем вспомнить о том, как на протяжении XIX века в контекст культуры европейского типа входили как новые религиозные формы, так и новые религиозно-мистические конструкты, создавшие в конце концов квазирелигиозную эзотерическую традицию. В этой связи может быть интересным обращение многих интеллектуалов того времени к буддизму, в первой половине XIX века еще экзотической для европейской культуры религии (в первую очередь, согласно традиции, здесь можно вспомнить А. Шопенгауэра). Во-первых, что может быть важным в контексте данной статьи, появление в европейском интеллектуальном поле как буддизма, так и буддологии стало возможным в основном благодаря романтическим тенденциям в культуре.

Идея буддизма созвучна романтическому мифу – и то, и другое, несмотря на экзистенциальные различия, соотносено с иррационализмом. Уже в самой основе буддизма как религии мы находим противоречия, сходные с романтическими, приводящими к возникновению новых интеллектуальных ситуаций. Для буддизма это, с

одной стороны, принадлежность к ведической культуре Древней Индии, с другой – противоречие ее основам. В романтизме мы находим нечто аналогичное: он принадлежит культуре европейского типа, но в том виде, в котором она представлена в начале XIX века, видит в ней угрозу.

Кризис культурной идентичности прослеживается в культурах как Индии VI в. до н. э., так и Европы начала XIX в. Скорее всего, именно с этой кризисности начинается становление корпуса восточных учений и их вхождения в контекст европейской культуры через романтическую картину мира. Применительно к теме нашей статьи мы можем рассмотреть этот процесс следующим образом: по отношению к заведомо иррациональной системе происходит определенная рационализация, когда религиозные контент и символика начинают выступать базой для создания нового гуманитарного контекста, который начинает развиваться самостоятельно, и где в дальнейшем мы уже видим и Е.П. Блаватскую, и Р. Штайнера и др.

В принципе, мы можем сказать, что процесс рационализации иррационального действительно вполне вписывается в теорию кантовской трансцендентальной философии: непознаваемая ранее реальность, как потенция для познания, структурируется в определенной смысловой плоскости и становится объективным знанием или феноменом. Поэтому сам процесс объективации в данном случае не вызывает вопросов. Любое ощущение, преобразованное в восприятие, мы можем считать объективированным, то есть структурированным. Для примера можем вспомнить фольклор, в котором в полной мере проявляется иррациональное, даже бессознательное, однако структурированное в конкретную текстовую форму и со времен романтизма выступающее в виде источника для исследований. В этом плане здесь кантовская трансцендентальная философия и новая научность XIX века сопрягаются между собой (И. Кант строго определяет возможную область науки, но, тем не менее, оставляет допустимым синтез нового объективного знания).

Поэтому вопросом, вытекающим из ответа на первый, может быть следующий: как нам вписать феномен рационализации иррационального в гомеостатическую саморегуляцию культуры?

Для этого, прежде всего, можно обратиться к исследованиям К.Г. Юнга – одного из действующих лиц обсуждаемого в данной статье феномена. В работе «О психологии бессознательного» он пишет о том, что «время от времени на людей, слишком долго мирившихся с ограничениями их культуры, накатывают волны безумия» [11. С. 29]. К.Г. Юнг прослеживает эти «волны безумия» начиная с дионисийских оргий античности, из которых, согласно его мнению, вышел стоический идеал аскетизма, «породившего из политеистического хаоса той эпохи две близкие друг другу аскетические религии – митраизм и христианство» [11. С. 29]. Далее К.Г. Юнг видит волну дионисийской распушенности в эпохе Ренессанса, а, рассуждая о XIX – начале XX вв., он пишет о новых идеях, которые стремятся вырваться из бессознательного и оказываются в дисгармонии с доминирующей культурой. На первый взгляд, эта ситуация может выглядеть заведомо разрушительной, однако, как полагает Я. Гримм, говоря о столкновении в смысловом поле культуры, «из этих смещений может возникнуть нечто неожиданное, когда приобретения могут быть не меньше потерь» [12. С. 60].

Действительно, социокультурная динамика циклична, и каждый цикл определяется многими тенденциями, в том числе и разрушительного толка. Мало того, зачастую новые тенденции определяют как раз своего рода «крушение» прежних. Однако главным конструктивным показателем здесь выступает состоятельность нового, которая обеспечивает обновление и его сбалансированность, выступающие условиями для дальнейшего существования конкретной культуры. Здесь, согласно теории культуры, мы можем обратиться, например, и к стадии надлома, по А.Дж. Тойнби, и к кризису ценностей, по П.А. Сорокину.

И с этого момента вопрос о гомеостатическом балансе становится, по сути дела, самым важным. В эти кризисные моменты, согласно теоретической постановке вопроса, возможны как выход на новую качественную ступень, так и постепенный распад смыслового поля культуры. До описываемых в статье тенденций в культуре европейского типа происходили коррекции смыслов, после которых смысловое поле возвращалось в состояние относительного равновесия. То есть можно сказать, что механизмы культуры предполагают обновления подобного рода – иначе в социокультурной динамике не было бы качественных изменений. Однако, согласно теории культуры, эти изменения могут также привести к радикальным трансформациям, обуславливающим изменения, имеющие статус необратимости. Здесь юнговские «волны безумия» могут быть, в том числе, и причиной дисфункции культуры, то есть утраты ею своих основополагающих признаков.

Конечно, принцип объективации иррационального в рациональном поле сам по себе не может привести к негативным последствиям. Методологически этот процесс восходит не только к трансцендентальной философии И. Канта. Тот же самый принцип мы можем видеть в контексте социокультурной динамики, начиная со стадии отрыва человека разумного от реалий архаического мифа. То, что ранее было частью неразрывного в своем смысловом единстве целого, постепенно начинает приобретать частную конкретику определенной области знания и сознательной деятельности. Здесь мы обнаруживаем появление и наук, и искусств, и религиозных систем, то есть всего того, что составляет структурные подразделения культуры. Тем не менее, для того, чтобы разобраться в этом вопросе, мы можем исследовать качественную сторону изменений в культуре и соотносить полученные результаты со сложившимися в конвенциональном поле культурологии смысловыми понятиями и определениями.

Таким образом, можно сказать, что рационализация иррационального в XIX–XX вв. может считаться катализатором многих тенденций, как положительного, так и отрицательного свойства. Здесь характеристики «положительный» и «отрицательный» абстрактны, и могут быть применимы только лишь по отношению к отличительным признакам контекста культуры, которые образуют механизмы ее смысловой сферы, определяющие ее способность без разрушения собственного основополагающего ядра сохранять свое и заимствовать чужое. Но именно эти характеристики могут помочь делать определенные выводы и давать оценки для того, чтобы стало возможным отслеживать преемственность в культуре, а также анализировать изменения и трансформации.

Среди «положительных» можно отметить создание нового научного поля, утверждение синтетических тенденций в искусстве и общественном сознании, всякого рода рецепции – переработанные и вписанные в основной культурный контекст, и многое другое.

Среди «отрицательных» сразу необходимо отметить появление вирулентных тенденций, в пределах которых начинает происходить создание смыслового конструкта, нарочито враждебного к прежним культурным установкам, во многом отменяющего или искажающего историко-культурный фон.

Именно «отрицательные» характеристики дают повод для своего рода озабоченности, так как нарочитая враждебность к органично сформированной культурной данности, а также сознательное создание смыслового конструкта, имеющего деструктивные характеристики, как и закрепление его значимой роли в культурном контексте, выходят за рамки культурных изменений, имеющих целостный и упорядоченный характер, какими бы они ни были в качественном отношении. То есть они не могут быть сопоставимы, например, с процессами обусловленной деградации культуры, поскольку могут считаться скорее управляемыми, чем детерминированными. А их выраженная деструктивная направленность не позволяет говорить о тенденциях, имеющих место в культурной динамике, когда мы говорим о роли личностных или

групповых инициатив в формировании культурных инноваций. Изменения подобного рода не несут в себе новые нормы, правила и символику в попытке изменений в лучшую сторону, а направлены на утверждение в культурном контексте идеи о бессмысленности и случайности происходящего. Здесь мы видим все то, что выступает следствием романтического пессимизма: нигилизм, декаданс и прочие изысканные формы выражения, отражающие мысль о том, что мир – это всего лишь представления индивида, либо производное шопенгауэровской «воли», пусть и находящейся в некотором стремлении, но не ставящей перед собой никакой достижимой цели. Здесь мы видим только страдание, от которого спасением, почти согласно буддийской концепции, может быть только уничтожение воли к жизни, и, как следствие, уничтожение принципа индивидуализации, который выражается в переходе в небытие. То есть человек становится существом, от которого ничего не зависит и который всячески подчеркивает и обыгрывает свою зависимость от непреодолимых сил. В этой ситуации высшей ценностью зачастую делается возвышенная и утонченная бесцельность, принимающая форму некой эстетической идеологии.

Мы видим, что пессимизм романтизма, сопряженный, тем не менее, с проблематикой духа, чувства, личной глубины, любви, постепенно формирует целую культурную плоскость, где остается, по сути дела, лишь пессимистическая составляющая, а возвышенная романтическая проблематика подвергается ревизии и начинает фигурировать как иллюзорность и несбыточность, что отражается на объективации смысловых конструкторов, возникающих в этой парадигме и обозначающих особым образом свою оппозицию и враждебность ко всему, что связано с прежним культурным наследием.

Эти «отрицательные» тенденции не преодолены до сих пор. Мало того, они переходят в дискуссионное поле теоретиков, где начинают отражаться, например, в столкновении модернистов и постмодернистов (здесь примером может служить полемика Ю. Хабермаса и Ж.Ф. Лиотара), приобретая концептуальную легитимацию и научное обоснование в области критики универсальности нарративов и структуры культуры в целом в пользу ризомы и антисциентизма.

Таким образом, можно сказать, что теория познания получает новую трактовку, подвергая сомнению исключительность эмпирического опыта и утверждая неисчерпаемость и сложность объектов познания, ряд которых может быть не доступен разуму (при безусловности их существования). В силу этого возникают сферы компетенций, ориентированные на систематизацию иррационального знания, а также появляется новая форма анализа информации, ориентированная на выявление алгоритмов закономерностей в неупорядоченном смысловом поле. Иррационализация рационального создает как комплекс «наук о духе», имеющий свой собственный опыт построения принципов научной деятельности, так и своего рода «параллельную реальность», в которую можно войти и из которой можно выйти, но которую сложно совмещать с реальностью как таковой. Кроме того, появляется область смыслообразования, нарочито разрушающая основы органично сложившейся культуры, подвергая ее отвержению и ревизии.

Положительные тенденции могут рассматриваться в русле естественного и сбалансированного развития культуры. Что касается негативных тенденций, то мы можем связывать их со многими процессами, происходящими в сфере культуры, однако процесс, описываемый в данной статье, мог стать своего рода катализатором многих тенденций XIX–XX вв., которые могут рассматриваться в качестве регрессивных. Поэтому соотношение рационализма и иррационализма в современной науке до сих пор актуально, что задает тон многим исследованиям.

Литература

1. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Академический проект, 2022. 430 с.

2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Поповкин А.В. Иррациональное в культуре. Философский анализ проблемы метода изучения иррационально-мистических аспектов традиционных культур // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2003. № 3 (41). С. 144–150.
4. Луценко В.Е. Религиозная философия немецкого философа Франца Ксавера фон Баадера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 53–59. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-53-59
5. Геррес Й. Афоризмы об искусстве // Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступит. статья и коммент. А. В. Михайлова. М.: Искусство, 1986. С. 17–121.
6. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х тт. Т. 2. М.: Искусство, 1983. 448 с.
7. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с.
8. Сапронов П.А. Реальность человека в богословии и философии. СПб.: Церковь и культура, 2004. 434 с.
9. Мьер К.Й. Русская религиозная философия в секулярный век // Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С. 263–282. DOI:10.21267/AQUILO.2020.41.87.001
10. Сапронов П. А. Русская философия. Опыт типологической характеристики. СПб.: Церковь и культура, 2000. 396 с.
11. Юнг К.Г. Аналитическая психология. М.: Изд-во АСТ, 2024. 368 с
12. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Издательство Московского университета, 1987. 512 с.

Irrationalism as a functional principle of objectification in post-romantic cultural movements

Kul'turnayazhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2026, 3 (102), 07–17
DOI: 10.24412/2070-075X-2026-3-07-17

Sergey V. Kudryashov, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russian Federation, St. Petersburg). E-mail: skudr33@mail.ru

Keywords: rational, irrational, neo-Kantianism, cultural architecture, homeostasis, mysticism, science, art, religiosity.

This article examines issues related to the emergence of a distinctive principle of objectification associated with the rationalization of the irrational in a scientific or conceptual context. It identifies structural changes that have occurred in the system-forming elements of European culture as a result of the assertion of rationalistic tendencies in previously irrational areas, extending to many cultural subdivisions: philosophy, previously unclaimed scientific fields of knowledge, religious and mystical realms, and the arts. By generalizing the problem relationship between empirical and abstract knowledge, it demonstrates both the stability of this emerging tendency and the complications in its assessment and definition. The special role of the Romantic movement in culture is highlighted as a catalyst for the rationalistic approach in the irrational sphere. A systems analysis is used to examine the problematic as a whole, emphasizing both the positive and negative tendencies of the phenomenon under consideration. The article demonstrates how the origins of the phenomenon align with the theoretical systems of leading scholars. It also highlights the relevance of research in this area for a comprehensive analysis of the phenomenon of rationalization of the irrational, as well as for studying the consequences of this process in contemporary cultural situations. In general, the article may be relevant for a comparative study of changes in culture to identify both positive and destructive transformational tendencies in the system-forming elements of the cultural field.

References

1. Levy-Bruhl, L. (2022) *Pervobytnoe myshlenie* [The primitive thinking]. Moscow: Akademicheskii proekt
2. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl Publishing House.
3. Popovkin, A.V. (2003) Irratsional'noe v kul'ture. Filosofskii analiz problema metoda izucheniia irratsional'no-misticheskikh aspektov traditsionnykh kul'tur [The Irrational in Culture: A Philosophical Analysis of the Problem of Methodology for Studying the Irrational-Mystical Aspects of Traditional Cultures]. *Rossiya i AziatskoTikhookeanskiy region – Russia and the Asia-Pacific Region*. 3 (41). pp. 144–150.
4. Lutsenko, V.E. (2022) Religioznaia filosofii nemetskogo filosofa Frantsa Ksavera fon Baadera [The religious philosophy of the German philosopher Franz Xaver von Baader]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki – Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences* 1. pp. 53 – 59. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-53-59
5. Gerres, J. (1986) Aforizmy' ob iskusstve [Aphorisms about art]. In: Mikhailov, A.V. (ed.) *E'stetika nemeczkix romantikov* [The aesthetics of German romantics]. Moscow: Moscow: Art Publishing House.
6. Schlegel, F (1983) *Estetika. Filosofii. Kritika. V 2 tt.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. In 2 volumes]. Vol. 2 Moscow: Art Publishing House.
7. Shelling F. V. I. (1987) *Sochinenia v 2 tt.* [Works in 2 volumes]. Moscow: Mysl Publishing House.
8. Sapronov, P.A. (2004) *Real'nost' cheloveka v bogoslovii i filosofii* [The reality of man in theology and philosophy]. St. Petersburg: Church and Culture.
9. Myer, K.Y. (2020) Russkaia religioznaia filosofii v sekuliarnyi vek [Russian religious philosophy in the secular age] *Istoriko-filosofskii ezhegodnik – Historical and Philosophical Yearbook*. Vol. 35. pp. 263–282. DOI:10.21267/AQUILO.2020.41.87.001
10. Sapronov, P.A. (2000) *Russkaia filosofii. Opyt tipologicheskoi kharakteristiki* [Russian Philosophy: An Experiment in Typological Characterization]. St. Petersburg: Church and Culture.
11. Jung, K.G. (2024) *Analiticheskaiia psikhologiiia* [Analytical psychology]. Moscow: AST Publishing House.
12. Kosikov, G.K. (ed.) (1987) *Zarubezhnaia estetika i teoria literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and literary theory of the 19th – 20th centuries. Treatises, articles, essays]. Moscow: Moscow University Publishing House.

УДК 792.01

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-3-17-28

М.К. Найдено, Н.Н. Васильченко, М.С. Журков**ПОСТДРАМАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ
СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕАТРА**

В статье исследованы и проанализированы ключевые составляющие постдраматический парадигмы в научных подходах к современному отечественному театру. Авторы рассматривают основные противоречия в научном осмыслении феномена театра постдрамы в сопоставлении их с традиционной отечественной теорией и художественной практикой театральной культуры. Обращая внимание на саму постмодернистскую эклектику векторов современных исследований в